

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 10

(1936)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

тикой — это очевидно, но очевидно и другое, что этот роман не будет широко приветствоваться китайским читателем, который не найдет в этом романе тех ощущений, которые вызываются в иностранных странах».

Таким образом мы видим в этой китайской рецензии скорее отрицательную, чем положительную характеристику романа «Земля». Это вовсе не означает, конечно, что данная рецензия является рупором всего общественного мнения Китая, так как в рецензии акад. В. М. Алексеева мы находим цитаты другого китайского критика, весьма положительно отзывающегося о романе Пэрл Бак. Однако мы обязаны выслушать и другую сторону китайской общественности, с которой нельзя не считаться, так как журнал «Вэнь-сйо», в котором помещена рецензия Мын Линя, является представителем литературного направления широких слоев мелкобуржуазной и революционной национальной интеллигенции.

Мне кажется, что из чтения китайских отзывов на книгу П. Бак, совершенно ясно одно, а именно: данный роман в конечном результате написан для европейского, а не китайского читателя, он не обладает обоюдоострым качеством, равным и для китайского и для не-китайского читателя. Сама форма, сама композиция этого произведения в переводе на китайский теряют свой смысл, а остающееся содержание, конечно, не является художественным откровением для китайского читателя, не говоря уже о тех упреках по существу содержания, которые отмечены вышеприведенным китайским рецензентом. Отсюда напрашивается вывод о несовпадении оценок по поводу этого романа в Китае и вне его, пример чего мы видели в данной рецензии Мын Линя.

19 X 1935

Б. Васильев.

語文論戰的現階段

Сборник материалов по языковой дискуссии в Китае. Шанхай, 1935, Изд-во Тяньма (Пегас), стр. 305.

Одним из примечательнейших явлений в культурно-политической жизни Китая последних лет была широко развернувшаяся в 1934 г. и с небольшим перерывом продолжавшаяся и в 1935 г. очень оживленная дискуссия по вопросам китайского языка и письменности.

Дискуссия эта представляет для китайца, да и не только для китайца, чрезвычайно большой интерес. И хотя поднятые в ней вопросы уже не впервые являются предметом ожесточенных споров и политической борьбы, однако сам характер развернувшейся полемики, форма, в которой ставились и обсуждались наиболее острые вопросы китайской языковой действительности, резко выделяют дискуссию 1934/35 г. из всех предшествующих споров по тем же вопросам и приковывают к ней пристальное внимание китайца-лингвиста в первую очередь.

Специфический характер дискуссии 1934/35 гг. всецело определяется социально-политической обстановкой, сложившейся к этому времени в Китае, и в этом отношении чрезвычайно полезно провести некоторую параллель с периодом так называемой литературной революции (1919 г.). Как известно, движение за литературную революцию, приведшее в конечном итоге к утверждению в качестве стандарта литературного письменного языка близких к живой речи языковых форм, было тесно связано с сильным подъемом антиимпериалистического движения в Китае. Аналогично этому и в 1934 г. языковая дискуссия развернулась в условиях мощного подъема антиимпериалистического и антияпонского движения, но уже в значительно более усложнившейся социальной обстановке и

при резком обострении классовых противоречий в стране.

В этом аспекте языковая дискуссия 1934 г. несомненно являлась своеобразной формой общественного протеста против осуществляемой в стране культурной реакции, а имевшая место даже среди левого крыла участников дискуссии известная пестрота точек зрения по коренным проблемам китайского письма и языка бесспорно отражала известный идеологический разброд среди различных социальных групп и прослоек, принявших участие в этой дискуссии.

Анализ как причин возникновения дискуссии, так и хода ее дальнейшего развития, показывает это очень отчетливо. Непосредственным толчком к развертыванию дискуссии послужили попытки со стороны отдельных представителей реакционных кругов китайской интеллигенции вновь возродить мертвый литературный язык 文言 — Wenjan и восстановить преподавание конфуцианских классиков в начальной и средней школе (т. н. 復古存文讀經運動). Эти реакционные попытки естественно встретили отпор со стороны революционно и прогрессивно настроенных кругов китайской интеллигенции. В противовес попыткам возродить 文言 эти круги выдвинули лозунг дальнейшей демократизации современного письменного языка, дальнейшего его приближения к формам живой речи и создания литературного языка широких народных масс, так назыв. 大衆語 — *Dazhongyu*.

По этим двум направлениям, собственно говоря, и развернулась в дальнейшем вся полемика, а именно:

- 1) 復古 — Борьба против каких бы то ни было попыток возродить к жизни мертвый феодальный язык 文言
- 2) 建設大衆語 — активная работа по созданию литературного языка

как языка широких масс и на основе живой речи самих народных масс.

Начавшись в мае 1934 г. на страницах крупнейшей китайской буржуазной газеты, *Shenbao*,¹ дискуссия, в которой приняли участие виднейшие литераторы, педагоги, лингвисты и журналисты Китая, в течение короткого срока охватила значительное число наиболее крупных газет (*Shenbao, Dagungbao, Zhonghua Ribao, Dawanbao* и др.), журналов (*Dunfang Zazhi, Shidai Gunglun, Shezhi, Xiandai, Taibo*) и других периодических изданий.

Такой размах дискуссии, развернувшейся в самых различных местах страны, на страницах самых разнообразных по направлению периодических изданий, свидетельствует о том, что в языковую борьбу были вовлечены широкие слои китайской интеллигенции, что языковая дискуссия не имела локального характера и не выродилась в бессодержательный спор среди узкого круга верхушки этой интеллигенции. Но это же обстоятельство имеет для интересующегося вопросами китайского языка и письменности, в особенности для исследователя, и свою теневую сторону.

Действительно, исследователю, который стремится охватить материал во всей его полноте, приходится в данном случае пользоваться статьями, разбросанными во множестве изданий, из которых часть отсутствует в данный момент под руками исследователя, а часть вообще находится вне его достижения.

Таким образом, помимо того, что доступный нам до сих пор материал являлся в известной мере материалом случайным, не систематизированным, очень много чрезвычайно важных статей

¹ Здесь и в дальнейшем все китайские слова даются в том написании, которое принято в китайском латинизированном алфавите.

оказывались совершенно неизвестными, либо же в лучшем случае попадали в поле нашего зрения лишь в виде отдельных названий, ссылок и упоминаний.

Выход в свет рецензируемого сборника в очень большой степени облегчает положение исследователя, так как этот сборник, несмотря на известную неполноту охватываемого им материала, все же дает сравнительно цельное представление о ходе и характере развернувшейся в 1934 г. языковой дискуссии.

Сборник состоит из трех основных частей:

1) Введение, в котором анализируются языковая обстановка, сложившаяся в Китае к началу дискуссии, предпосылки и причины самой дискуссии. В ряде разделов введения детально освещаются главнейшие проблемы, возникающие при создании самого *Dazhunjy*, именно: *Dazhunjy* и *Baixia*, общий язык, диалекты и народные говоры, наконец проблема алфавитного письма в Китае.

2) Библиографический указатель всех, и отдельно особо важных, статей, появившихся в печати со времени возникновения дискуссии и до 15 VIII 1934 г.

3) В третьей части книги помещен уже непосредственно фактический материал дискуссии — целый ряд статей, касающихся различных вопросов, возникших в процессе полемики.

Таким образом, рецензируемая книга совмещает в себе серьезно написанный очерк предпосылок, содержания и хода развития языковой дискуссии, основной фактический материал, характеризующий эту дискуссию, и подробную библиографию вопроса, т. е. именно то, повторяем, что нужно для более или менее цельного представления о характере дискуссии.

Об этом говорит и предисловие, которым открывается рецензируемая книга.

«Главная цель книги, — читаем мы в этом предисловии, — заключается в том, чтобы дать сравнительно систематичное и объективное изложение содержания языковой дискуссии и тем самым указать в ней определенную линию для всех тех, кого тревожат вопросы китайского языка и письменности».

Вместе с тем в предисловии подчеркивается, что это объективное изложение пути, по которому развивалась дискуссия, отнюдь не является исчерпывающим подведением итогов дискуссии или своего рода окончательным суждением по всему комплексу затронутых в ней вопросов.

Здесь читатель, а вместе с ним и рецензент, может с удовлетворением отметить, что оговариваемая редакцией сборника объективность изложения действительно не представляет собой бесстрастного, механического, а стало быть и беспринципного подбора самых различных по своему характеру и направлению статей.

Наоборот, хотя в сборнике представлены статьи, выражающие подчас самые противоположные точки зрения по дискутировавшимся вопросам, однако уже сам подбор этих статей и их расположение с несомненностью свидетельствуют о той вполне определенной позиции, которую редакция сборника занимает в отношении поднятых в дискуссии принципиальных проблем.

С наибольшей отчетливостью позиция редакции выявлена во введении, которым открывается рецензируемый сборник.

Введение это, точнее вступительная статья, затрагивает наиболее важные и существенные стороны истории и в известной мере предистории движения за *Dazhunjy*.

Предистория, как это и естественно было бы ожидать, сводится к краткому очерку и характеристике движения за *Baixuawen*, так назыв. «*U-S Yndung*».

Подчеркивание такой преемственности между движением за *Baixuawen* и движением за *Dazhungjy* надо признать совершенно правильным и во всяком случае не требующим извинительной оговорки редакции о том, что «для большей ясности вопроса волей-неволей приходится начать с характеристики *U-S Yndung*».

Более того, такое сопоставление, с нашей точки зрения, является категорически необходимым, ибо движение за *Dazhungjy* теснейшим образом связано с движением за *Baixuawen*, хотя бы, например, потому, что практические выводы строительства самого *Dazhungjy* в очень многом исходят из критики *Baixua*.

Вслед за кратким очерком движения за *Baixua* во введении, во втором разделе его «*Wenjan faxing y fañdui fugu*» «Возрождение Вэньян и противодействие возрождению классицизма» — излагается история возникновения и основные этапы, через которые прошла уже сама языковая дискуссия 1934 г. Этапы эти следующие:

1) Попытки официального восстановления преподавания классиков в учебных заведениях и тот отпор и противодействие, которые эти реакционные попытки встретили со стороны передовых слоев китайской интеллигенции.

2) Переход полемики между сторонниками и противниками восстановления *Wenjan* на новый, более высокий этап, — этап дискуссии о литературном языке широких масс — *Dazhungjy*. Начало ему было положено статьей *Chen Zzhan'я* «*Wenjan-Baixua-Dazhungjy*», опубликованной 18 VI 1934 г. в газете *Shenbao*.

3) Последний этап, когда дискуссия по всему комплексу вопросов, связанных с китайским языком и письменностью, развернулась уже достаточно широко и полно.

Выше мы вкратце охарактеризовали те два основных направления, по которым развернулась наиболее острая полемика.

Естественно, что и в разбираемом нами сейчас введении этим вопросам уделено основное внимание. Наибольший интерес для нас представляет та часть вводной статьи, где разбираются непосредственно вопросы самого построения *Dazhungjy*, в частности третий раздел, трактующий о конкретных путях развития *Dazhungjy* и о его языковой базе (общекитайский язык — так. назыв. *Pu-tungxua* и отдельные диалекты, письменная форма выражения *Dazhungjy*, иероглифика и алфавит и т. д.).

Стремление осветить всю дискуссию под углом зрения борьбы с реакционными тенденциями в области китайского языка, под углом зрения защиты и поддержки движения за создание литературного языка на основе живой речи народных масс, — все это является громадным достоинством рецензируемой книги и большой заслугой ее составителей. Очерченная выше точка зрения составителей сборника на основные проблемы дискуссии заслуживает всемерной поддержки, и с главнейшими принципиальными положениями, развиваемыми в предисловии, можно полностью согласиться.

Действительно, нельзя не согласиться с авторами вводной статьи, когда они настойчиво указывают на реакционный характер попыток возрождения *Wenjan* и всячески подчеркивают связь этих попыток с социально-политической обстановкой в Китае.

Далее, когда авторы введения решительно выступают в защиту *Dazhungjy*

и требуют использования для него всего богатства народной речи, в том числе и языкового материала так назыв. «диалектов», то это требование нельзя не признать глубоко правильным и целиком соответствующим интересам широких масс китайского народа.

Когда, наконец, во введении настойчиво проводится мысль о том, что перо-глифическая письменность становится во все более и более резкое противоречие с интересами народных масс и что необходимо всемерное использование для *Dazhungjy* алфавитного письма, то такую постановку вопроса надо признать глубоко правильной и своевременной.

Некоторые возражения вызывает пожалуй чересчур резкая и непримиримая позиция редакции сборника в отношении *Vaixia*. Ведь несомненно, что при всей своей внутренней порочности и половинчатости *Vaixia* все-таки представляет в настоящее время наиболее близкую к живой народной речи форму письменного китайского языка. Несомненно также и то, что в этот же самый *Dazhungjy Vaixia* войдет в качестве очень важного составного элемента. Таким образом безоговорочное и огульное отрицание *Vaixia* отнюдь не является правильным и целесообразным. Впрочем, столь решительная точка зрения редакции сборника в отношении *Vaixia* отнюдь не вытекает из характера самой дискуссии, где преобладающим все же являлось мнение о безусловной необходимости при построении *Dazhungjy* использовать (в известных, конечно, пределах) и *Vaixia*.

Рецензируемый сборник, несмотря даже на разобранную выше вводную статью, не представлял бы для нас столь существенного интереса, если бы в нем не было того, что скромно именуется *Fulu* — приложения, и что по сути дела

является систематизированным перечнем всех статей, появившихся в печати от начала дискуссии (точнее от появления статьи *Wang Mizu*, опубликованной в *Shdai Gungbun*, 5 V 1934 г.) и до 15 VIII 1934 г., т. е. за период наиболее оживленной полемики.

Все помещенные в этом приложении названия статей (числом 270) снабжены указаниями места и времени напечатания данной статьи, и это, разумеется, еще более повышает ценность перечня, являющегося таким образом необходимым библиографическим пособием при изучении дискуссии.

Кроме этого сводного списка, в приложении втором дается составленный на основе этого общего списка перечень основных и важнейших статей.

Но в особенности надо отметить то, что все указанные в числе наиболее важных 38 статей полностью помещены в третьей части сборника.

Библиографическую часть, и в особенности вводную статью, мы выше уже рассмотрели. Что же касается 38 статей, перечисленных в разряде наиболее важных материалов дискуссии и полностью помещенных во второй части книги, то подробный разбор этих статей значительно увеличил бы и без того разросшуюся рецензию. Остановимся поэтому только на том, что представляет наибольший и общий интерес. Укажем, во-первых, на целый ряд статей, где детально рассматривается вопрос об использовании в *Dazhungjy* китайского народно-разговорного языка, в частности местных диалектов (*Fangjan*) отдельных районов Китая (Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Цзянси) и говоров (*Tixua*). Этого рода материал в дискуссии, и тем самым в сборнике, представлен очень широко, и большинство авторов, как уже указывалось, настаивают на всемерном

использовании в *Dazhunjy* элементов народного разговорного языка отдельных китайских языковых групп, вплоть до создания самостоятельной литературы для них. К сожалению, в тех статьях, где этот вопрос разбирается, мы главным образом имеем общие положения и принципиальные утверждения, снабженные очень небольшим количеством конкретных языковых примеров.

Необходимо добавить, что использование одних только лингвистических данных для безоговорочного выделения народно-разговорного языка ряда районов Китая в ряд отдельных языковых групп, конечно, неправильно и недостаточно. Рассмотрение языковых взаимоотношений, как одной из частей национального вопроса в Китае в его целом, должно внести сюда ряд существенных поправок, и несомненно, что правильное решение этой проблемы может быть найдено только на основе учения Ленина—Сталина о национально-колониальном вопросе.

Рассматривая проблему создания нового литературного языка в аспекте всемерного использования бесписьменных в значительной своей части элементов народно-разговорного языка, нельзя было, разумеется, обойти столь острую для Китая проблему письменности, и этот вопрос в дискуссии по праву занимал одно из центральных мест. Что касается до помещенных в сборнике статей, то в них проблема письма ставится достаточно широко, и решения здесь предлагаются довольно радикальные.

Уже тот факт, что в большинстве статей настойчиво проводится мысль о том, что только замена иероглифической письменности алфавитом является наиболее действенным средством к решению проблемы языка и письменности в Китае, позволяет нам заранее предугадать

и ту позицию, которую авторы этих статей занимают в отношении самой системы алфавита.

Для читателя поэтому не является неожиданным, когда он читает о том, что отвергаются не только так назыв. китайский национальный алфавит — *Zhujiuzhi*, но и так называемые *Romaz* — различные системы алфавитов, построенные на основе латинского.

Особо заслуживает быть отмеченным здесь, конечно, то, что, в противовес всем этим попыткам использования для китайского языка алфавитного письма, в качестве единственно правильной и жизнеспособной системы письма выдвигается не что иное, как китайский латинизированный алфавит, выработанный и успешно применяемый китайским населением в СССР. Китайскому новому алфавиту в дискуссии уделено очень большое внимание, и в очень многих статьях дается положительная оценка проводимой в СССР в этом направлении работе. В частности, весьма положительно рецензируется издаваемая в Советском Союзе на новом алфавите литература (напр. в статьях крупнейших китайских писателей Лу Синя и Мао Дуня). Вообще надо заметить, что опыт языкового строительства в СССР имел в дискуссии о *Dazhunjy* очень большое значение. В целом ряде статей и заметок неоднократно делаются ссылки и указания на проводимую в СССР работу по строительству национальных языков и письменностей. В самом сборнике помещен перевод (с эсперанто) одной статьи о латинизации письменности народов СССР. (Эта же статья была помещена в газете *Zhونغхуа Rнbao* от 26 VIII 1934 г.) К сожалению, в рецензируемый сборник не вошла помещенная в газете *Shenbao* от 15 VII 1934 г. статья «*N. J. Marr gi ki ianjy xyoshuo*»,

«Н. Я. Марр и его лингвистическое учение», связно и толково излагающая основные факты из биографии Н. Я. Марра и основные положения его учения.¹

Но здесь опять-таки с сожалением приходится отметить, что несмотря на сравнительно большой объем сборника в него не вошел целый ряд чрезвычайно важных для понимания общего направления дискуссии статей, в частности тех именно статей, которые способствовали бы более точному выяснению позиции противников *Dazhungjy*, или тех, кто, на словах приветствуя дальнейшую демократизацию письменного языка, фактически старался смазать принципиальную сторону поднятых в дискуссии вопросов и выхолостить из этих принципиальных вопросов их революционную социальную направленность. Сюда относится, например, помещенная в газете *Dagungbao* серия статей китайского буржуазного лингвиста *Li Ginxi*, из которых одну статью, именно «*Dazhungjy ko iou giegiexing-ma?*» — «Содержит ли *Dazhungjy* в себе классовость?» (*Li Ginxi* «доказывает» что нет), безусловно следовало бы в сборник включить. Точно так же из статей *Xu Sh* в сборнике помещена только одна и не включена очень любопытная его же статья «*Dazhungjy zai naar?*» — «Где же язык широких масс?» Впрочем эти упреки очень легко можно отвести, поскольку и сама редакция сборника, как уже отмечалось, указывает на известную неполноту книги, возможность в ней отдельных пропусков, изъянов и пр.

В некоторой степени это объясняется тем, что сборник включает в себя материал, опубликованный в печати

только до 25 августа 1934 г. Таким образом целый ряд в высшей степени интересных статей, опубликованных позднее этой даты, в сборник не мог войти.

Кроме разобранных выше, в дискуссии был поднят и горячо обсуждался целый ряд сравнительно менее крупных вопросов китайской языковой действительности. Сюда относится, например, вопрос о так назыв. *Ouxia* — европеизации китайского языка, европеизации лексической (типа, повидимому, прочно вошедших в обиход слов 摩登 — англ. *moderne* и т. п.) и синтаксической.

Далее, вопрос о системе и методах обучения китайскому языку и о языковом уровне учащихся. Разумеется, что не были обойдены в дискуссии вопросы стиля и литературной формы. Любопытно, что в этом разделе очень часто упоминаются высказывания по этим вопросам В. И. Ленина, Карла Маркса, Горького и Плеханова.

В настоящей рецензии мы ограничимся только указанием на эти разделы дискуссии, отложив детальное рассмотрение их в специальную статью. Притом такое подробное описание всех вопросов, поднятых в дискуссии, вывело бы нас за рамки рецензии, посвященной сборнику статей, где в основном разбираются общие проблемы языка и письменности.

Подводя итоги всему сказанному, мы хотим еще раз подчеркнуть, что дискуссия о *Dazhungjy* хотя и не привела к столь конкретно ощутимым результатам, как, например, движение за *Baixiawen*, однако сыграла громадную и несомненно положительную роль в деле борьбы с отживающей феодально-помещичьей идеологией, в деле создания китайского литературного языка как языка самых широких масс китайского

¹ Об этой статье см. напечатанную в издании ИЯМ АН статью Ю. Бунакова.

народа. Отсюда и рецензируемый сборник хотя и не является в какой-либо степени исследовательской работой, даже в пределах тех вопросов, которые в дискуссии были подняты, все же является чрезвычайно ценной для китаиста книгой, ибо в этом сборнике отражен один из интереснейших этапов в развитии китайского языка. Этап, мимо которого всякому, занимающемуся вопросами китайского языка и письменности, трудно будет пройти.

А. Шпринцин.

Гесериада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света. Перевод, вступительная статья и комментарии С. А. Козина. Акад. Наук СССР. Труды Института антропологии, этнографии и археологии, т. VIII, Фольклорная серия, № 3. Издательство Академии Наук СССР. М.—Л., 1935, стр. 245, 8°.

Когда мы (напр., автор этой книги, С. А. Козин и я, пишущий эти строки) сидели в 1900 г. за ученическими партами в унылых и бесцветных аудиториях бывшего Факультета восточных языков Петербургского университета и медленно читали в оригинале это «Сказание о Гесерхане», мы чувствовали полным сердцем все величие этой блестящей эпопеи, идущее, конечно, гораздо дальше того, что получалось от скудного ученического перевода тех самых строк, которые — мы это хорошо знали — восхищали и восхищают монгола. И, все-таки, в унисон бесцветной, унылой аудитории и группе карьеристов, в ней собравшейся, мы чувствовали себя в тупике, ибо к переводу было почти невозможно подойти: до такой степени в каждом слове торчала нестерпимая экзотика, с ее чудовищными гиперболами, эпитетами и стихами, рифмованными вначале, и т. д. Столь простая

и так часто встречающаяся фраза, как: Гесер-хан дагулаба затрудняла перевод до чрезвычайности. Перевести ли так: «Гесер запел» или «Гесер молвил»? А от решения этого простого вопроса в простой фразе зависел более или менее свободный выход из экзотического тупика, тени, настроение!

Перевод Шмидта был прост, но и только. Он давал выход из безграмотности, отчасти помогая в этом отношении аудиторным занятиям; но где было взять то мощное настроение огромной эпопеи, которое надо было предпослать чтению текста и его переводу? — ибо, поскольку текст дает глаза, а перевод — очки, постольку рассматриваемое в учебную лупу управляется из центров высших. — Вышшего — увы! не было.

Гесериада, в переводе и объяснении С. А. Козина, создает настроение и целокупно-художественное и научно-состоятельное, и определенное и сильное. Переводчик и автор статей, своими разысканиями выдвинувшийся в ряды наших первоклассных монголистов, сделал этой своей большой и прекрасной, стоившей большого труда и борьбы книгой весьма ощутимый и значительный вклад в эпическую литературу народов земли, и если после книги покойного акад. Б. Я. Владимирцова, впервые познакомившего нас с творящимся доселе среди монголов эпосом, у нас осталось впечатление грандиозной стихии, то эта книга, посвященная литературному эпосу монголов, столь же, повидимому (как утверждает это С. А. Козин) коренному, а не переводному, как и эпопеи, записанные и показанные нам во всю ширь и мощь Б. Я. Владимирцовым, — эта книга окончательно утверждает нас в знании и понимании стихии самого значительного из народов Средней Азии, изучению которого предано в настоящее время